

Николай Куценко

Наваждение

Николай Куценко
Наваждение (сборник)

«Написано пером»

2016

УДК 82
ББК 84

Куценко Н. В.

Наваждение (сборник) / Н. В. Куценко — «Написано пером», 2016

ISBN 978-5-00071-643-4

Сборник рассказов Куценко про чужую любовь густо посолен, и эта соль остается послевкусием, даже когда откладываешь книгу и возвращаешься в пресную действительность. Почему? Да потому что чаще соль – лишь рассуждения по поводу, философия, которую автор кладет в блюдо отдельно, но которая в нем не растворяется. В этом сборнике философская подоплека органично входит в ткань событий. Но еще сильнее подкупает единство художественности и жизни, в котором соль проявляется именно через ту самую пресную действительность... Тогда ничего не остается, как воскликнуть, подобно Гоголю: «Как грустно жить на этом свете, господа!»

УДК 82

ББК 84

ISBN 978-5-00071-643-4

© Куценко Н. В., 2016
© Написано пером, 2016

Содержание

Тельме	6
Ласточка	11
Оценка	14
Испанка	19
Мнительность	24
Перрон	28
Домой	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Куценко

Наваждение

© ООО «Написано пером», 2016

© Куценко Н. В., 2016

Тельме

Когда Тельме родился, его мать сказала: «Этот мальчик изменит мир. Ночью я видела в небе комету. Она пролетела прямо над нашим домом». Еще молодая Фреа, влюбленная в подвиги Наполеона и Карла Великого, мечтала родить сына, будущего политика. Она верила – сын сможет добиться того, чего не удалось ни ей, ни ее мужу. А именно – остаться в истории, на страницах учебников, в умах и сердцах людей. И не просто остаться, а так – чтобы вся старая Европа содрогнулась, встала с колен и, отдав поклон Тельме, опять же на них опустилась, склонившись перед ее сыном. Сама Фреа, равно как и ее муж, всю свою сознательную жизнь занималась созданием региональной социалистической партии. Она видела в этом миссию, сначала свою, а позже – всей семьи. Фреа понимала – цель быстро не достичь, на это уйдут годы, а может быть и десятилетия. Да и поддержки у них с мужем никакой не было: в первую половину дня они работали клерками в местной судостроительной фирме, заполняли бланки для отплывающих судов. Во второй – бежали в местную библиотеку читать труды Маркса и прочих идеологов социализма. Им казалось – человек должен что-нибудь сделать для этого мира прежде, чем умрет. Что-то обязательно хорошее, светлое, яркое. А главное – запоминающееся. Жизнь клерков им претила, но надо было как-то кормить себя и маленького Тельме. Вечером они часто стояли у кровати сына и рассуждали:

– Тельме на тебя похож, Ларс, только покрепче, посильнее, – умилялась Фреа и тихо добавляла, – и поумнее.

– А мне кажется – на тебя, волосики такие же – белые и кудрявые.

– Главное – это его глаза. Смотри, какой у Тельме взгляд – волевой и властный.

– Как у настоящего лидера.

– Вот-вот, как у настоящего лидера.

– В отличие от нас – он сможет всего добиться!

– Мы должны ему помочь, мы должны ему дать то, чего не было у нас.

– И для этого теперь мы живем.

– Да, только для этого.

Хотя Ларс и Фреа были начинающими политиками, полными энтузиазма и сил, они понимали, что без денег и связей им никуда не продвинуться. Да, можно собираться на площадях, агитировать, даже вести какую-то подпольную деятельность, но все это было несерьезно. Настоящему политику нужны две вещи – телевидение и радио. Именно по двум этим каналам можно влиять на массы, зомбировать их и подчинять. Именно в них вся суть влияния. А отельные выступления для местных моряков и их жен-домохозяек не больше, чем просто развлечение для толпы. Но чтобы попасть на телевидение или, на худой конец, на радио, нужны были деньги и связи. Тут нужен был другой калибр вложений. Поэтому после рождения Тельме им пришлось работать на две ставки, чтобы скопить денег на обучение их чада. На библиотеки и политическую активность времени не оставалось. Но они успокаивали себя:

– В этом наша миссия теперь, Ларс. Мы были из бедных семей и нам не дали ничего наши родители, кроме этой крошечной квартиры.

– А мы дадим ему все! Он будет учиться в лучшем университете страны, жить в лучшем районе, общаться с самыми умными людьми! – не унимался Ларс.

– Вечерами они будут играть в карты, пить дорогое виски и обсуждать судьбы этого мира.

Тут Фреа всплакнула. По ее щеке покатила маленькая слеза. Это заметил Ларс:

– Не плачь. Так часто бывает – одни погибают ради других. Так и мы сделаем все, чтобы он был счастлив и реализовал наши цели.

– Но ведь мы еще молоды, Ларс, может, и мы еще сможем...

– Фреа, ты знаешь лучше меня. Политика – это уже не речи на площадях. Это – деньги и связи. Говорить и дурак сможет, ему напишут, что говорить. А без денег – лучше не тратить время!

– Да я понимаю, просто жалко мне нас. Ничего ведь мы с тобой и не видели, кроме этого вшивого городишки, с этим мерзким портом.

– Зато мы увидим, как взойдет звезда Тельме. Мы увидим его в лучах славы. Они согреют и нас!

Фреа зарыдала. Она схватила Ларса за рукав рубашки и, сползая вниз, села на колени. Ее била истерика от жалости к себе, от той незавидной судьбы, что ей выпала, от того, что ближайшие двадцать лет ей надо будет работать на двойной ставке в местной конторе. Ларс стоял и тоже плакал. Он поглаживал рукой светлые волосы Фреи и тихо шептал:

– Потерпи, Фреа, потерпи. Все пройдет. И мы еще будем счастливы.

Вопреки ожиданиям родителей, Тельме рос слабым и болезненным ребенком. По крепости телосложения и росту он сильно уступал ровесникам, по уму – шел с ними вровень. Его оценки редко выбивались из средних баллов. Но была у Тельме одна особенность, свойственная в классе только ему – он любил рассказывать занятные истории, которые сам придумывал. Интересные истории, захватывающие умы ровесников и уносящие их в неведомые миры, что создавал в своем воображении Тельме. Он любил выступать. Он любил своих слушателей. Казалось, он вообще всех любил.

– Тельме, расскажи что-нибудь еще, – просили одноклассники на перемене. – Еще про драконов или про ведьму.

– Ну, я не знаю, хватит ли времени, всего десять минут осталось, – сомневался мальчик.

– Пожалуйста, мы тебя просим, Тельме.

И он рассказывал. Иногда даже учителя не спешили начинать свой урок, специально задерживая его на несколько минут. Тельме рассказывал со страстью, будто сам попадал в созданный им мир и передавал слушателям все свои эмоции. Так прошла юность и Тельме поступил в один из самых престижных университетов Осло. На факультет политэкономии. В день поступления всех абитуриентов собрали в актовом зале и зачитали список поступивших. Прозвучала фамилия Тельме. Декан, поздравив всех, спросил: есть ли желающие выступить. Все притихли. Смельчаков не находилось. Тельме поднял руку и вышел к кафедре. Декан приветливо кивнул, что значило – можно начинать. Неожиданно для всех Тельме стал рассказывать про то, как несовершенен мир, про то, что задача данного курса состоит в улучшении этого самого мира, в служении ему. А знания – лишь инструмент на этом пути. Все замерли и слушали, декан видел такое впервые. Тельме говорил со страстью, от напряжения его руки дрожали, глаза блестели, на уголках губ появилась слюна. Так прошло пятнадцать минут.

– И в заключение хочу сказать: человек – это высшее существо, способное, встав над всеми, избавиться от инстинктов, от своей животной природы и превратить этот мир – в царство людей! Высокоразвитых разумных организмов! В мир – где нет войн, конфликтов, слез и границ!

И до этого притихший зал вдруг взорвался аплодисментами. Аплодировал и сам декан.

Выступление Тельме записали на телефон и выложили в интернет. Когда его смотрела Фреа, она держала Ларса за руку и плакала от счастья:

– Ларс, это началось. То, о чем мы мечтали, началось. Ты посмотри на Тельме. Он – звезда и это только начало. Ты посмотри, как он говорит! Скоро о нем напишут газеты!

– Да, как Ленин или Гитлер.

– Не сравнивай его с ними. Он – другой! Он изменит этот мир в лучшую сторону, в отличие от этих тиранов.

– Это да. Я просто говорю – что он так же хорошо выступает, как эти двое.
Лучше, гораздо лучше. Это он еще молод. Со временем содрогнется вся Норвегия!
Вся Европа! – поставил точку Ларс.

После этого случая политическая карьера Тельме стремительно пошла в гору: его пригласили возглавить профсоюз студентов, на базе которого он и создал свою партию. Она называлась Социал – демократическая партия «Европа без границ» и пропагандировала равенство всех людей. Причем под равенством Тельме понимал буквально равенство во всем: одинаковые возможности для всех, независимо от происхождения, вероисповедания, состояния и родословной. Он мечтал: со временем не только Европа, но и весь мир откроет границы, уничтожит визы и барьеры, а стоимость билета в любую страну будет зависеть лишь от количества километров между городами.

Популярность Тельме росла – его стали приглашать на телевидение, радио, в университете появился журнал, главным редактором которого он стал. Молодая Ида, его невеста, не разделяла интересы Тельме – они казались ей искусственными, нереальными, вымышленными. Но запах успеха Тельме пьянил ее, и она не решалась возражать. Как-то раз они гуляли по улице и увидели, как спариваются две собаки – черная и белая. Первая была крупнее и лезла на вторую.

– Посмотри, как это ужасно, – сказал Тельме.

– Что в этом плохого? Это же природа. И мы – часть этой природы.

– Лучшая часть! Лучшая! Мы никогда не опустимся до подобной низости как эти безмозглые существа. Мы гораздо выше низменных потребностей!

– Что же нам теперь, любовью не заниматься?! – удивилась Ида.

– Ты меня не поняла. Конечно заниматься. Но только не так, а – цивилизованно. А со временем, когда человек преодолеет все свои инстинкты, свои низости и животные желания – люди будут рождаться без секса, из пробирок!

– Да зачем же это надо? Что же это за жизнь-то будет?

– Торжество разума – исчезнут запреты, исчезнут границы, со временем – не станет преступности, а после – денег. Мир станет совершенным. Мы будем принимать беженцев из бедных стран и превращать их в нас! Мы станем крепкими и сильными.

– Это все идиллия... миф, – прошептала Ида, – это все теория. Мы – другие. В нас сильны инстинкты и я бы не против, например, с тобой заняться сексом где-нибудь в парке, – она привстала на цыпочки и нежно поцеловала Тельме в щеку.

Затем Ида схватила Тельме за руку и потащила вглубь парка, где не ходят люди. Вначале Тельме, не понимая, что происходит, поддался Иде, но после остановился:

– Ты что делаешь? – спросил он, – Ты что хочешь?

– Я хочу, чтобы мы с тобой спрятались от всех и занялись любовью.

– Брось валять дурака. Сделаем это дома, вечером. Рядом с камином.

– А я хочу сейчас! – вспыхнула Ида, – Дома мне уже не интересно и не хочется.

– Что значит не интересно? Ты же не думаешь, что мы будем тут с тобой, как две эти собаки в парке?

– А вот и думаю, что в этом такого? Пойми – у нас такие же инстинкты, как и у них. И у меня они есть, и у тебя.

Их спор продолжался долго. Они поссорились и поехали домой разными машинами. Вечером Ида сидела на кухне и пила вино. В одиночестве. Ее глаза были грустными и печальными. Утром – собрала вещи и уехала. На столе лежала записка с одной лишь надписью: «Тебе не изменить мир, ты зря возомнил себя Богом».

«Зря... Богом, – подумал Тельме, – ты еще пожалеешь, что так поступила. Глупая деревенская дура! Скоро обо мне будут писать все газеты мира!», – от ненависти он разорвал записку, бросил ее остатки на пол и стал давить их ногой.

Вечером у него было выступление перед группой беженцев из Африки. Большая часть из них приехала в Норвегию из Ганны и Нигерии. Мускулистые темные мужчины в футболках, несчастные женщины с маленькими детьми, седые старики в лохмотьях – все, что видел перед собой Тельме, произнося свою речь.

– Вам нечего бояться! Вы дома! Мы все – одна семья. И скоро вы станете нами. Скоро Вы забудете тот ад, из которого приехали, весь тот ужас, что вам пришлось пережить. Вы забудете всю ту боль, которую пережили!

Из толпы слышались какие-то крики на плохом английском. Людям хотелось диалога. А именно – им хотелось узнать, когда их проведут в лагерь и накормят. Но Тельме не унимался:

– Все вокруг – ваш дом! Все вокруг – ваши братья! Скоро вы сможете зайти в любой дом и остаться там навсегда! Мой дом – ваш дом, друзья!

Напротив Тельме стоял чернокожий парень крепкого телосложения. Из-под дешевой разноцветной футболки торчали его округлые мышцы рук, а на животе виднелись кубики пресса. Парень стоял молча и лишь иногда покуривал сигарету без фильтра. Тельме пару раз встречался с ним взглядом. Его глаза казались ему грустными и какими-то несчастными.

«Видимо, не просто пришлось этому пареньку, – думал Тельме и, подстегиваемый вниманием слушателей, продолжал выступать, – вот такие, как он, нам нужны. Люди нового поколения. Люди внушаемые и управляемые. Люди с тяжелым детством! Люди одинокие!».

Но что-то все-таки настораживало Тельме во взгляде молодого человека. Какое-то равнодушие или безучастность. Будто тот не верил речам Тельме или не понимал их вовсе. Тельме вдруг почувствовал себя скованно, неуверенно. Будто он и сам не совсем верил в то, что говорил, а главное – верил ли вообще? Он ведь никогда не задумывался об этом. Он знал – так эффективно, так все работает, так его слушают и верят в его идеи. А те, кто не верит – пусть идут своей дорогой. Значит, они не с ним. А верил ли он сам? Он ведь даже никогда не задавал себе этот вопрос. На этой ноте он вдруг решил закончить свое выступление:

– И верьте – скоро каждый дом будет вашим. Мы вас не бросим, ни в горе, ни в радости. Добро пожаловать, дорогие друзья!

Вечером, когда Тельме собирался ложиться спать и умывался в ванной, в дверь постучали. Тельме насторожился – он отвык от стука в дверь. Обычно люди пользовались звонком. «Ида вернулась», – мелькнуло в его голове.

Он спустился со второго этажа, бросил на лестницу полотенце, которое захватил из ванной и в несколько шагов преодолел расстояние до двери. Стук раздался повторно. Тельме открыл дверь. На пороге стоял тот чернокожий парень, которого Тельме видел на своем выступлении.

– Что вам надо? – спросил Тельме, – Вы по какому вопросу?

Парень молчал. В глазах его сквозила все та же грусть и безразличие. Он был спокоен словно камень. Потом он поднял правую руку вверх, будто приветствуя Тельме.

– Вы что-то хотели сказать? О чем-нибудь побеседовать? – спросил Тельме и немного наклонился вниз.

Удар прошел незаметно: правая рука африканца со всего размаха попала в район солнечного сплетения Тельме. Дыхание прервалось и Тельме, согнувшись и хрипя, попытался набрать в легкие воздух. Парень все также равнодушно смотрел на согнувшегося Тельме. Затем гость ударил второй раз, в район почек, но уже не сильно. Тельме повалился на пол и стал стонать, мучаясь от боли. Затем – Тельме почувствовал, как его сковали руки африканца, они были как железные цепи. Как он ни пытался вырваться, ничего не выходило. Брюхо

Тельме волочилося по полу, и он старался ползти вперед. Внезапно незнакомец сорвал с него штаны и Тельме почувствовал резкую боль в области зада. Такую, что казалось – его посадили на кол. В голове помутнело, а во рту появился вкус крови. Он закричал, завыл на весь дом, из его глаз градом покатались слезы. Посмотрев назад, он увидел мускулистого поджарого негра,двигающегося словно швейная машинка – то взад, то вперед. По рукам африканца стекали струйки пота.

– Помогите, остановитесь... прошу. Не надо!

Через мгновение африканец застонал и обмяк. Насилие завершилось. На полу появились капельки крови. Затем незнакомец отодвинулся и Тельме увидел похожий на милицкий жезл половой орган. Он был в крови. Насильник быстрым движением натянул джинсы и выбежал на улицу.

Тельме помнил, как полз к выходу. Небо было ясным, а на улице светили яркие звезды. Где-то вдали виднелся хвост исчезающей кометы.

Он лежал в отдельной палате. За дверью стояли журналисты. Некоторые из них норовили взять интервью. Потом пришел доктор и проверил бинты. Тельме попросил его пустить журналистов. Он сказал одну лишь фразу: «Я очень жалею, что этого беженца депортировали. Видимо, у него было тяжелое детство. Видимо, он еще не готов к новому миру». После этого он позвонил Иде:

– Прости меня, Ида, я очень виноват перед тобой. Мне сейчас очень не просто, – сказав это, он заплакал. Слезы падали на телефонную трубку, сливаясь в тоненькие струйки.

– Не переживай, все хорошо, я не обиделась. Лучше молчи, тебе сейчас нужны силы.

– Говорят, что про меня написали почти все мировые газеты. Про то, что случилось.

– Не все..., – неумело врала она.

– Но все же я стал знаменит... добился своей истинной цели, – и он улыбнулся, – Стал наконец-то звездой!

– Отчасти, – он услышал, как Ида зарыдала.

– Не плачь, – еле выговорил Тельме, – не переживай так. У меня к тебе еще один вопрос. Можно?

– Можно, – сквозь слезы вымолвила Ида.

– Наш секс в парке все еще в силе?

– В силе, но только как поправишься уже, – он почувствовал ее улыбку сквозь трубку.

– Я поправлюсь, но за тобой парк!

– Договорились, – и она снова заплакала. Через трубку доносились ее всхлипы.

Тельме выписали только через месяц. К этому времени его обидчика уже депортировали на родину. Еще через месяц Тельме сделал предложение Иде, и они поженились. Сразу после этого Тельме написал заявление и покинул собственную партию.

Прошел год и у них с Идой родилась дочь, сильно похожая на Тельме. Фреа, уже вся седая к тому времени, помогала молодоженам и часто оставалась с внучкой вечерами. Когда она укладывала ее, то пела старую норвежскую колыбельную, потом смотрела на внучку и приговаривала:

– Из тебя-то толк будет, хотя ты и похожа на Тельме, но это только внешне. А характер у тебя мой будет, по глазам видно. О тебе напишут во всех газетах мира...

В этот момент она смотрела на небо, как будто что-то там искала. Должно быть комету, которая все никак не появлялась.

Ласточка

В комнате было темно и душно. Алексей понял это, как только открыл дверь. Он просунул голову в комнату, огляделся по сторонам и попробовал дотянуться до выключателя, чтобы зажечь счет. Но тщетно: тот был слишком далеко. В этот момент в комнате что-то зашуршало. У Алексея заколотилось сердце и он, сделав шаг назад, прикрыл дверь. Его душил страх. За спиной стояла напуганная жена.

– Ну что там? Увидел? – дрожащим голосом спросила она.

– Нет, шуршит что-то. Но вроде маленькое. Хотя...

– Господи, что же это? – спросила жена непонятно кого, устремив свои глаза в потолок.

Это «что-то» прилетело с улицы, через окно. Посреди ночи Алексей с женой проснулись от звука разбитого стекла в соседней комнате. То, что разбилось именно окно, было ясно обоим, но вот от чего – непонятно.

– Камень может? Хулиганы бросили? – нервно спросила жена, после чего глубоко вдохнула.

– А чего он шуршит, этот камень? – огрызнулся муж.

– Не знаю, может, эти, как их... пришельцы?

– Дура что ли? Какие еще пришельцы? Скажешь тоже. И так – жутко. А ты – пришельцы!

Жена ничего не ответила. Ей и самой было не по себе. За последние несколько лет в этой квартире не случалось ничего, что бы могло хоть как-то запомниться, нарушив стандартное течение жизни. А тут такое. Да еще и посреди ночи. Она подошла к Алексею и взяла того за руку:

– Может, вместе зайдем? – ее зрачки расширились, а глаза как будто стали больше. Алексей вдруг вспомнил ее на свадьбе – молодую, тонкую, с большими зелеными глазами и милым лицом.

Вдруг ему стало неловко и стыдно за свою трусость.

– Да брось ты! Не надо. Я сам...

Он сделал глубокий вдох, рванул на себя дверь и зашел в комнату. Судорожно нащупав выключатель, он включил свет. За ним заскочила жена. С первого взгляда никаких изменений в комнате не было, кроме разбитого окна. Дырка в стекле была крупной – от нее расходились трещины, переплетаясь словно паутина.

– Ну и где оно? – прошептал Алексей. – Не видно что-то... его.

– Может, улетело?

Внезапно из-под дивана, стоящего напротив входа, что-то не то выкатилось, не то выбежало, пронеслось в полуметре от Алексея и ударилось об стену. В воздухе появились перья. Они были мелкие и белые, словно пух. Как будто кто-то кинул в стену маленькую подушку, а та лопнула, выплеснув все содержимое наружу.

Алексей с женой рванулись к двери, прижались друг к другу, но, разглядев «пришельца», остановились. На полу лежала ласточка. Совсем еще маленькая.

– Птица, по-моему, – вырвалось у Алексея.

– Ласточка.

Они подошли к птице. Она была изранена: на одном из крыльев не было половины перьев, другое – и вовсе казалось переломанным. Красные пятна по всему телу ласточки выдавали следы крови от ран.

– Бедненькая... угораздило же, – сказала жена Алексея. – Совсем еще молоденькая.

– Видимо, старой ей быть уже не придется.

В этот момент ласточка зашевелилась, перевернулась и попробовала встать на лапки, размахивая крыльями.

– Да что же это она, – испуганно проскрипел Алексей, отодвигаясь в сторону.

Птица подпрыгнула и упала у ног жены Алексея. Та от неожиданности отскочила в сторону и прокричала писклявым дрожащим голосом:

– Да... убери ты ее от меня!

Оба выбежали из комнаты и закрыли за собой дверь.

– Фу... жутко. Птица вроде, а напугать может, – начал Алексей. – Да и вообще кто их знает, этих птиц! Чем они там болеют.

– Выбрось ее... вернее, выпусти. В окно надо выкинуть или на улицу вынести.

– Я ее в руки брать боюсь...

– Ты чего? – удивилась жена.

– Ну... вдруг она заразная? Или... или бешеная!?

– Да... бывает такое. Я слышала.

– Грипп птичий может быть еще!

– О, Господи! Не прикасайся к ней! Сейчас же эпидемия этого гриппа! Птичьего!

– Не буду! – отрезал Алексей и немного успокоился.

– А что делать-то будем?

– МЧС вызовем. Или службу спасателей!

– Да ну..., – не поверила жена.

Алексей зашел в интернет, узнал телефон МЧС и набрал указанный номер. На другом конце раздался хриплый голос мужчины средних лет. Спасателя.

– Что случилось?

– Ласточка залетела, – Алексей выждал паузу, думая, что спасатель его что-нибудь скажет, но после продолжил, – окно разбила. Напрочь.

– И что? Выкиньте ее обратно! – грубо ответил спасатель.

– Я... я не могу. Это как-то... как-то неправильно. Да и разобьется она!

– И что? Вам то что с того?

– Да нет, я так не могу. Я и брать ее боюсь, вдруг она заразная!

– Ну и дела! От нас-то чего хотите?

– Может, вы... приедете, – неуверенно сказал Алексей, понимая всю дикость своего предложения. Ну тут же вставил: – Я заплачу! Сколько скажете.

– Ну, если так, то можем и приехать. Только если это шутка – пеняйте на себя! Оформим как ложный вызов!

– Да какие там шутки..., – виновато протянул Алексей и почесал затылок.

Спасатели приехали через час – двое мужчин в одеждах как у пожарников. На одном из них был шлем и какие-то плотные перчатки. Он зашел в комнату, взял уже бездыханную ласточку и, выйдя во двор, швырнул ее в кусты.

– Кошки съедят, – сказал вдогонку он и поднялся обратно в квартиру Алексея.

– Сколько с меня? – спросил тот.

– Сколько дадите, дело-то видите – пикантное.

Алексей открыл кошелек и достал три тысячи.

– Спасибо, всегда рады помочь, – ответил один из спасателей, – снимая перчатки.

– А они заразные?

– Кто?

– Ласточки.

– Вроде бы нет. А так – кто же их знает, но я в перчатках ее брал, на всякий случай. Хотя она уже сдохла, по-моему.

– Жалко, – чуть слышно сказала жена Алексея, шмыгнув носом.

Ласточка пролежала всю ночь под кустом шиповника. Рядом с ней несколько раз проходила кошка, но так ее и не тронула, подумав, что та мертва. Утром ласточку подобрала маленькая девочка и отнесла ее в детский садик. Там птицу вывели и посадили в отдельную клетку. Так она и живет в саду, радуя малышей. Иногда воспитатель достает птицу, чтобы малыши могли ее поддержать и погладить. В этот момент к ласточке выстраивается целая очередь.

Оценка

В аудитории было душно и пахло потом. Старые университетские парты, грязный паркет и пыль в воздухе создавали гнетущую обстановку. Серое небо за окном делало картину еще более удручающей. Я подошел к окну и немного его приоткрыв, огляделся по сторонам. Напротив меня сидело около десяти студентов. Все они смотрели на меня каким-то просящим щенячьим взглядом, будто моля о снисхождении. словно жертвы перед палачом, которому предстояло их казнить, они просили о том, чтобы процедура казни была как можно гуманнее. Им было страшно – сегодня решалась их судьба. Устный экзамен по математике определял, кто из них пойдет на платное отделение, а кто – на бесплатное. Все они выглядели несчастно. Без исключения. От этого настроение мое окончательно испортилось.

«А ведь это еще дети», – мелькнуло у меня в голове.

Я еще раз оглядел их – несколько мальчишек и две девчонки. У одного из мальчиков из подбородка торчало несколько вьющихся темных волосков. Эта рыхлая козлиная борода выделяла его из всей аудитории и невольно притягивала взгляд. Две несимпатичные девушки нервно кусали себе ногти и улыбались мне, как только ловили мой взгляд. Я кивал им в ответ. Им было мучительно страшно. Чтобы разрядить обстановку, я решил сказать несколько слов:

– Уважаемые абитуриенты, прошу вас подойти к экзамену творчески и сосредоточиться на работе. Помните – нервы вам не помощник. К тому же это всего лишь экзамен.

В аудитории стало тихо. Бумаги больше не шуршали. Мои слова возымели обратное действие. Маленькие напуганные детские глаза уставились на меня из всех углов аудитории, словно я дал абитуриентам надежду и мог хоть как-то решить их судьбу. Но я не мог. Хотя и пытался помочь им. Я ведь и сам был на их месте пять лет назад. И так же смотрел на принимающего экзамены. Мне тогда казалось, что в этот момент – это самый важный человек в моей жизни. Что именно в его силах решить мою судьбу. Вот так и они – надеялись.

В аудитории я был вторым преподавателем, то есть младшим. И мое дело было помогать первому преподавателю, – старшему. Последнего я не знал и за час до начала экзамена встретил впервые. Он показался мне неприятным человеком, абсолютно безучастным и отрешенным. На его лице я не увидел никаких эмоций. Он напомнил мне памятник – серый и безжизненный. Его желтые грубые пальцы говорили о том, что он много курит, нездоровый цвет лица – что много пьет. Первое, что я услышал, было:

– Правила знаешь? – спросил он грубо, даже не поздоровавшись.

– Да, не в первый раз, – сухо отрезал я.

– Хорошо. Есть один момент. Сейчас расскажу, – и он закашлял в кулак. Так, что я от неожиданности вздрогнул.

Затем он посмотрел по сторонам и, убедившись, что нас никто не слушает, продолжил:

– Так вот. В этот раз все будет строже: трешников валим, остальных – тянем.

– Что значит валим? – не понял я. – А вдруг они...

Он перебил меня:

– Поступило распоряжение: троечников – на платный, остальных – на бесплатный. Квоту ввели – урезали бюджетные места.

– Как так?

– Какая тебе разница. Сказали – делай. Что ты вопросы ненужные задаешь?

– А вдруг троечник... – начал я, но не успел договорить.

– Слушай, парень, я хочу отсюда свалить как можно раньше. На споры с тобой у меня лично нет времени. Поэтому исполняй. Иначе я попрошу дать мне другого помощника.

– Понял, – неохотно сказал я и немного поморщился. Он не придавал этому значения. Его лицо так и осталось спокойным и безучастным.

– Вот и хорошо. Тогда за дело. Думаю, в пару часов управимся.

Устный экзамен заключался в следующем: после сдачи теории по билету абитуриент должен был решить две задачи, каждая из которых относилась к одной из трех категорий: простой, средней и сложной. То есть – первой, второй и третьей. Как они шли в наших тетрадях. Скажу сразу, что задачи третьей категории решить было невозможно. По крайней мере мне это никогда не удавалось. Поэтому их было всего две и пускались они в ход крайне редко. Как правило, чтобы кого-нибудь завалить. К ним давались только ответы. Задачи второй категории могли решить люди только очень подготовленные. Ну а в первую категорию попадали легкие задачи. Их решали почти все. Троечникам мы давали сразу задачу второго уровня, которую никто из них не мог осилить. После чего ставили им тройки, остальным – сначала задачу первого уровня, затем второго. Те, кто решал обе, получал пять, иначе – четыре. И то и другое было для них хорошим результатом. Они продолжали претендовать на бесплатные места. Чего нельзя было сказать о троечниках.

Первые трое студентов, получивших за письменный экзамен «четыре», смогли осилить только задачи первого уровня, получив свои «четверки». Следующий «четверочник» решил задачу второго уровня и получил пять. Затем пошли троечники. Некоторым из них мы поставили двойки, остальным тройки. Все шло по плану и казалось, что оставшиеся несколько абитуриентов будут проходными. На лице старшего преподавателя появилась улыбка – он предчувствовал скорое окончание экзаменов. Процесс был ему в тягость.

– Молодец, – вдруг сказал он мне, – Делаешь все как надо. Скоро закончим!

И я делал, но не ради него. Просто все так складывалось. Троечники действительно были слабыми, остальные – сильно разнились. Так что пока все было честно. И тут я увидел ее – маленькая, забитая, неуверенная «троечница». Ее худые пальцы нервно сжимали карандаш, а невымытые русые волосы свисали с ее головы как сосульки с крыши. Она сильно нервничала. От этого ее губы сжались и превратились в узкую красную полоску. Мы выслушали ее билет, который был рассказан безупречно, и дали ей задачу второго уровня, не ожидая, что она ее решит. Через пять минут, она тихо позвала меня:

– Можно? – она приподнялась на своем стуле и вытянула правую руку вверх. Как это делают типичные отличники. – Я уже....

– Да, конечно, – я подошел к ней и посмотрел решение задачи. Оно было правильным.

– Верно? – спросила она униженно, пытаясь поймать мой взгляд.

– Верно, – ответил я, глядя в ее бумаги, – Быстро вы.

– Легкая задача просто.

Но это не была легкая задача. По крайней мере для меня. Я бы возился с ней минут пятнадцать, а то и все двадцать. А она решила за пять минут. Я подошел к старшему преподавателю:

– Там девчонка умная сидит. Решила вот эту задачу, – я ткнул ему пальцем в решение.

– И что? Она же тройку на письменном получила!

– И что мне делать? Может четверку поставим?

– Не надо. Есть установка, я же говорил.

– Да, но она умная.

– Дай ей задачу третьего уровня! И ставь три!

– Но я сам не решу задачу третьего уровня, – стал уговаривать его я. – Может, четыре поставим?

– И я не решу! Кого это волнует.

– Хорошо, я дам ей задачу третьего уровня, – нервно отрезал я.

Я выбрал первую задачу третьего уровня. Это не имело большого значения – обе из них решить было невозможно. Я подошел к «троечнице» и сказал.

– Надо будет еще одну решить. Но это непростая задача. Так что Вам потребуются все Ваши знания.

Она посмотрела на меня и улыбнулась. Будто увидела во мне своего защитника. Будто то, что я сказал, стало для нее сейчас очень важным. Она вдруг положила на стол карандаш и перестала дрожать.

– Я справлюсь. Не беспокойтесь.

– Постарайтесь. Если будут вопросы, зовите, – сухо ответил я, пытаюсь выразить свое безразличие.

Я еще раз посмотрел условие задачи и ужаснулся.

«Это же надо такое придумать...», – мелькнуло в моей голове. Мне вдруг стало противно и как-то тошно. Я посмотрел на девушку – она напряженно что-то чертила. На ее лбу появилась слегка видная темно-синяя венка.

«Без шансов», – подумал я и пошел к главному преподавателю.

– Ну что?! Дал? – спросил он меня ликующе.

– Дал, – хмуро ответил я.

– Ну и хорошо, сейчас все закончим и домой.

Я сел за свой стол и стал смотреть на «троечницу». Та что-то писала и иногда засовывала ручку себе в рот, прикусывая зубами. Так прошло минут десять.

– Можно, – она вдруг приподнялась со стула и вытянула правую руку вверх.

– Что? – не понял я.

– Я решила.

Старший преподаватель уставился на меня так, словно услышал чудовищную новость, способную нарушить спокойной течение его жизни. Его зрачки расширились, а рот – приоткрылся. Я встал со стула и подошел к девушке.

– Покажите, – спокойно попросил я.

– Вот..., – она протянула мне тетрадь и засмушалась. На ее щеках появились чуть заметные розовые пятна, на лбу – испарина.

Я сразу посмотрел ответ – он был верным. Решение смотреть не имело смысла, сам бы я не решил. Но девушке об этом знать было не обязательным.

– Верно, – протянул я. В этот момент у главного преподавателя вытянулась шея и он поправил ворот рубашки.

Я подошел к нему и протянул ее тетрадь.

– Я поставлю ей пять, – сказал я, ожидая его реакции. Затем добавил: – Я бы не решил.

– Ты чего надумал? Нам же сказали!

– Плевать. Она – гений. Умнее меня и Вас. Я ее валить не стану.

– Да брось ты! Случайно решила. Всякое бывает. Дай ей вторую!

– Не стану.

Преподаватель напрягся и почесал свой лоб. Его мучало чувство несправедливости, которое боролось с установками факультета. Он судорожно листал тетрадь девушки.

– Да уж, умная она. Ладно, я с тобой согласен. Но вторую задачу ты дашь! А потом поставим ей четверку – дадим шанс.

– Нет, мы поставим пятерку, – стал настаивать я.

– Если решит!

Девушка уже не выглядела напряженной – все время улыбалась и смотрела по сторонам. Карандаш, который она все время сжимала лежал на краю стола. Я виновато подошел к ней. Мне было неловко.

– Извините, – начал я, – Вам нужно будет..., – я взял паузу, думая, как лучше сказать.

– Решить еще одну задачу?

– Вы быстро все понимаете, – улыбнулся я и посмотрел ей прямо в глаза. Радостные и счастливые.

– Я смогу..., – сказала она и взяла в руки ручку.

– Конечно сможете, – подбодрил я ее и протянул условие задачи.

В этот раз все было дольше – она стала нервничать. Я понимал, что что-то идет не так. Старший преподаватель вышел покурить. Когда он вернулся, то спросил меня:

– Ну что, сдалась?

– Нет еще, пытается.

– Ну пусть пытается. Дадим ей минут десять еще. А после – четверку! Договорились?

– Договорились, – неохотно ответил я.

– Не бери близко к сердцу. Это всего лишь абитуриенты.

Сказав это, он сел за стол и стал смотреть в окно. Через тучи пробивались лучи солнца и падали на подоконник – старый и дряхлый.

Вдруг девушка заговорила:

– Подойдите, пожалуйста. Я...

– Чего? – не понял я.

– Я хочу спросить.

– Хорошо. Я иду.

На ее столе я увидел несколько листов, исписанных мелким шрифтом. Она вдруг стала мне рассказывать про решение задачи – ее пальцы опять дрожали, а на лице появились красные пятна.

– Вы получили ответ? – сухо спросил я, давая понять, что решение меня мало интересует.

– Да, но я хотела бы показать, как можно решать эту задачу, – она сделала паузу и добавила: – По-разному.

– Что Вы имеете в виду? – не понял я.

– Разными способами.

И тут она показала мне два разных решения этой задачи с одинаковым ответом. Он совпадал с верным. Я подошел к старшему преподавателю. Он что-то писал в своих бумагах. Затем он протянул мне лист с оценками. Напротив фамилии девушки стояла пятерка.

– Доволен? – уже по-дружески спросил он.

– Доволен, – сухо ответил я. – Она – гений.

– Знаю, – наконец-то согласился он со мной. – Давай посмотрим, за что ей тройку на письменном поставили.

Мы сели за стол и стали разбирать ее письменную работу. Из пяти задач она решила все пять, но в двух сделала арифметические ошибки и эти задачи ей не зачли. Таким образом, в письменной работе было три плюса и два минуса. Как итог – тройка.

– Это как минимум четверка! – сказал я. – Вы же видите!?

– Вижу, что нехорошо. Ладно, я разберусь!

– Обещаете?!

– Обещаю.

И тут я увидел перед собой совершенно другого человека – преподавателю вдруг стало жалко эту маленькую девочку, как и мне. И маска безразличья вдруг слетела с его лица. Он вдруг занервничал и побежал курить, сказав тихо несколько матерных слов. Так что их слышал только я.

И он не обманул меня. Работу пересмотрели и признали ошибку экзаменатора, который оказался сыном известного академика. Чтобы не делать скандала, решили оценку не менять, но взять девушку под особый контроль на следующих экзаменах, дабы помочь поступить ей на бесплатное отделение.

Несколько раз я видел ее на факультете. Когда она проходила рядом, то опускала глаза и краснела. Говорят, что она самый сильный студент в группе. А может быть и на курсе...

Испанка

Она сидела напротив зеркала, рассматривая в нем свое лицо. Слегка заметные морщины, отдельные седые волосы и синева под глазами выдавали возраст Марины. На днях ей исполнилось сорок. Но, несмотря на это, она была хороша: голубоглазая, высокого роста, с почти идеальной для своего возраста фигурой, черноволосая и скуластая. А главное – изящная и женственная. Каждое движение Марины было грациозным – многолетние занятия танцами научили ее двигаться плавно, аккуратно и воздушно, словно продумывая каждое свое движение, словно просчитывая его наперед. Марина работала преподавателем хореографии, вела секцию для взрослых. Знакомые между собой называли ее «Испанкой». Действительно, было в ней что-то испанское. А она как могла вживалась в этот образ. Носила длинные платья на испанский манер, красила волосы в черный цвет и закалывала их специальными заколками с цветами, подбирала нужные брошки. Даже косметику Марина заказывала из Испании – ей хотелось пахнуть Испанией.

Но при всей своей красоте и необычности, личная жизнь Марины не складывалась: местные мужчины казались ей банальными, скучными и недостойными ее. Они были ей противны во всем, начиная от своего поведения и манеры держаться, заканчивая внешностью и даже запахами. Не видела она в них той утонченности и чувства такта, которых так хотелось Марине. Хотя иногда попадались мужчины, способные разбудить в ней чувства и эмоции. Но это были известные танцоры, заехавшие в Самару на гастроли.

«Эх, вот это мужчина... как же он танцует, – думала она, сидя в местном театре, – Наверно, в прошлой жизни он был испанцем или, на худой конец, латиносом».

Так думала Марина. Казалось ей: настоящий мужчина, должен быть если не профессиональным танцором, то хотя бы уметь танцевать. Что в нем должна быть та искра, которая в танце зажжет сердце Марины и она, влюбленная в этого человека, отдаст ему всю свою жизнь. Но как-то не складывалось – такие мужчины не попадались ей на пути. Особенно в городе Самаре, где жила Марина. И она, отчаявшись, решила учить испанский язык, чтобы при первой возможности уехать из России. Туда где можно будет танцевать дни напролет, туда, где вокруг нее будут любящие и горячие любовники, туда, где не бывает снега – в далекую Испанию.

Хорхе проснулся от сильной головной боли. На улице светило солнце, и его яркий свет мешал заснуть. Он огляделся по сторонам. Вокруг были коробки и разбросанный мусор. Правая рука сильно затекла и пальцы не двигались. Он понял, что спит на чем-то твердом, скорее всего на скамейке.

«Видимо, придется привыкнуть к ним, – подумал он, оглядывая скамейку, – сколько же я уже не спал в нормальной кровати?»

В кроватях он не спал больше месяца, с того момента, как приехал в Самару на гастроли с наспех собранной труппой испанских танцоров. Они дали три выступления. После второго Хорхе стал пить, а потом и вовсе ушел в запой. Труппа вернулась в Испанию без него. Поисками Хорхе никто заниматься не стал.

Он связался с местными пьяницами и пропил все, что у него было, кроме костюма для выступлений. Хорхе понимал – костюм оставляет шанс найти работу. Без него он превратится в бомжа. Поэтому Хорхе спрятал костюм в подвале одного дома, чтобы его никто не нашел.

«Как же хочется есть..., кто бы мне работу дал, – рассуждал он, – пойду на площади танцевать сегодня. Хоть мелочи накидают».

Он встал со скамейки, отряхнулся и пошел куда глаза глядят. От голода кружилась голова. Еще жутко мучала жажда. Вчера он напился какого-то дешевого одеколона, который удалось стащить из магазина. Хорхе подошел к луже и хотел уже было зачерпнуть из нее воды, чтобы выпить, как вдруг услышал знакомую музыку, под которую когда-то танцевал. Он встрепенулся и задрожал, будто по нему пробежал электрический разряд. Хорхе понял – это знак. Там – еда. Там – его спасение. Он распрямился и пошел на музыку.

Марина стояла в центре зала и показывала группе танцевальные упражнения. Все повторяли за ней. Она как всегда выглядела ярко: испанская одежда, зачесанные волосы с цветами и туфли на каблуках. Хорхе приоткрыл дверь в зал, посмотрел на танец, оценил ситуацию и побежал за своим костюмом. Он понял, как надо действовать.

Он залез в подвал, помылся под краном с холодной водой, надел костюм и туфли и вылил на себя остатки одеколона, того, что пил вчера. Расчески не было, поэтому пришлось расчесаться рукой.

«Даже лучше будет рукой, – мелькнуло в его голове, – я так раньше делал. Волосы волнистыми будут». Через мгновение он выбежал из подвала и побежал в сторону студии Марины.

Сегодня было непростое занятие. Марина как могла старалась. Но ученики не восприняли ее стараний – танцевали плохо. Поэтому Марина закончила занятие раньше времени и, оставшись одна в комнате, села полистать альбом об испанских танцорах.

«Красавцы... настоящие мачо, – думала она, листая альбом, – Вот это мужчины! Не то что наши алкаши».

Кто-то постучал в дверь. Марина открыла ее и обомлела. На пороге стоял такой же человек, что был в ее альбомах, только он был немолод и помят. Но он был таким же! Как и те, в книгах. От неожиданности, Марина потеряла дар речи.

– Здравствуйте, сеньорита..., – уверенно произнес Хорхе на чистом испанском. – Я проходил мимо и услышал звуки, близкие моему сердцу. Разрешите зайти?

– Да, то есть конечно..., – Марино сердце стучало так, что отдавало в висках.

– Хорхе...

– Что простите?

– Меня зовут Хорхе.

– Марина.

Хорхе зашел в зал, огляделся по сторонам и сел на табуретку, стоявшую рядом со столом Марины. Он посмотрел на раскрытый альбом и сказал:

– Это Родригес, он танцевал с моим учителем. Яркий был танцор!

– Да-да, Родригес – очень ярко... А Вы его видели?

– Конечно, доводилось... не раз.

Никакого Родригеса Хорхе никогда не видел. Но прием сработал отлично. По глазам Марины было видно, что она находится в каком-то трансе. И еще немного – и будет готова на все. А это «все» у Хорхе сейчас измерялось только едой. В глазах все расплывалось. Казалось, еще чуть-чуть и он съест саму Марину. Но нужен был последний удар. И Хорхе рассказал ей о том, как танцевал на всех площадках Мадрида, как был солистом в Барселоне и о том, что знает лично Папу Римского и что последний восхищен талантом Хорхе. Марина не верила своим ушам. В ее голове летали разные самые причудливые мысли: может, он останется у меня? Или так нельзя – сразу?! Может, он будет тут преподавать, и мы со временем поженимся? У нас будут дети и они продолжат наше дело. Или еще лучше – мы уедем в Испанию и будем выступать на всех площадках. Я познакомлюсь с папой Римским.

– А нет ли у вас чего-нибудь выпить? – начал переходить к цели своего визита Хорхе.

– Что, простите? А, конечно, конечно. Что это я! – засуетилась девушка.

Марина принесла чаю. И поставила рядом вазу с конфетами.

– А нет ли чего-нибудь покрепче? Голова побаливает, – Хорхе невинно улыбнулся, как провинившийся ученик в попытках понравиться учителю.

– Есть вино. Будете? Мы с девчонками не допили, вчера немного посидели.

– Конечно-конечно. Вино – это просто замечательно!

Хорхе не помнил уже, когда пил вино. В Самаре он сначала пил водку, а после перешел на одеколон. Водку воровать было сложнее. Марина достала бокалы и разлила в них остатки вина.

– Расскажите еще..., – попросила девушка, – пожалуйста.

– О чем?

– Обо всем....

И он рассказал ей о том, что когда-то читал в биографиях великих танцоров. Он рассказал ей о школах танцев, в которых ему удалось поучиться. О жене, которой у него никогда не было. Марина сидела и слушала. Ей казалось, что она уже любит этого человека, что это ее знак, судьба. В это время Хорхе допил вино, захмелел и ему захотелось еще.

– А больше нет? – спросил он и показал пальцем на бутылку.

– Больше нет, но можно у соседей попросить. Я сейчас.

Марина вскочила и выбежала из студии. Через минуту она вернулась с бутылкой красного вина.

– Есть только крымское. Вы такое не пьете, наверно. Гадость?

– Почему же? Могу попробовать. В жизни все надо попробовать, – и Хорхе засмеялся.

Марина смущенно улыбнулась, поправив свое платье.

– А Вы женаты? – спросила аккуратно она и зачем-то посмотрела в пол.

– Нет, уже нет. Я в поиске своей спутницы. Но жизнь со мной сурова – пока что небеса не посылают мне той, кто мог бы скрасить эту никчемную жизнь, – сказал Хорхе и подумал: «Вот сейчас надо еду просить у нее. Прямо сейчас, а то не продержусь долго. Упаду.»

Он открыл вино и почти сразу выпил половину. Голод разгорался с новой силой, а в глазах уже темнело.

– Вы не голодны? – внезапно спросила Марина, будто угадывая мысли гостя.

– Есть немного, с дороги....

– У меня тут нет ничего, но если Вы не против, можем в ресторане поужинать. Тут есть одно местечко.

Хорхе заметался, засуетился, и как-то напрягся. Есть в ресторане было опасно, у него не было денег, остались только карточки, которые давно не работали. И тут у него созрел план – поесть, заплатить картой, а после сказать, что в системе какой-то сбой случился. Марине придется заплатить самой. А он, Хорхе, будет сыт. И это – главное. Марина его не интересовала. Может быть, только после еды.

– Какое?

– Испанский ресторан. Там даже танцевать можно. Вернее, он латиноамериканский. Но это не так важно.

– Замечательно, превосходно.

В ресторане «Кокобана» Марина никогда не была. Цена за ужин в этом заведении превосходила Маринину зарплату. Но ей всегда хотелось оказаться там. Поужинать, а главное – потанцевать. И посмотреть, как танцуют другие. Те, у кого есть деньги.

– Но оно недешевое, – сказала она и как-то смутилась.

Хорхе ничего не ответил, лишь сделал рукой непонятный Марине жест. Видимо, означающий, что деньги – не проблема.

«Не удивительно. Там танцоры миллионы получают. Не то, что у нас тут, – думала она и предвкушала ужин, – А после – можно его у меня оставить. Все-таки это не наш алкаш. Тут можно и исключение сделать!»

То, что Хорхе выпил две бутылки вина, не закусывая, почему-то не насторожило Марину. Она была в каком-то трансе – не верила тому, что творится вокруг и все боялась, что это сон. Что она может взять и проснуться.

«Не отпущу его! – твердо решила Марина. – Ни за что не отпущу! Оставлю у себя!»

Ресторан «Кокобана» считался элитным. Продукты в него везли из-за рубежа, в основном из Израиля. Владел рестораном сын мэра и сам часто ходил туда со своими друзьями. Людями, конечно, не бедными.

Хорхе с Мариной заняли столик в центре зала. Последней хотелось быть на виду у всех. Сегодня был ее вечер. Сегодня она будет танцевать в самом дорогом месте города. На виду у всех мажоров.

– Хорошее место, тут чувствуется Испания! – рассматривала ресторан Марина, любуясь картинами на стенах.

Хорхе копался в меню, нервно перелистывая страницы винной карты. Таких вин он не пил уже добрый десяток лет.

– Да и вина еще принесите, вот этого. Нет, лучше этого! – говорил официанту Хорхе, нервно тыкая пальцем в меню.

Они заказали легких закусок, Паэлью и устриц к белому вину.

«Настоящий мужчина!» – пронеслось в голове женщины, и она взяла Хорхе за руку.

Вино пьянило голову и танцевать хотелось все сильнее. Обоим. Хотя Хорхе давно не выходил на сцену, свое мастерство он знал хорошо. С детства он танцевал везде, где представлялась возможность, чтобы добыть денег. Хорхе родился в бедной семье – выучиться на настоящего танцора ему было не суждено. Поэтому всю свою жизнь он колесил по разным странам – танцевал, где выпадет шанс, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Из личных вещей у Хорхе был только костюм и туфли. Но имел Хорхе одну сильную слабость – любил выпить. И даже не это его губило, а запой, в который он сразу же впадал, после первой рюмки или даже бокала вина. Затем он терялся и пил с местными пьяницами, пока не пропивал все до копейки. Так случилось и в этот раз.

Зазвучала знакомая мелодия и Марина выбежала в центр площадки для танцев. Ударив каблуками об пол, так что услышали даже повара на кухне, она несколько раз обернулась вокруг себя. Ее платье приподнялось и под ним показались красивые и стройные женские ноги, обтянутые кружевными чулками. В волосах красовалась роза, а красная яркая помада на губах, выделяющаяся особо, в сочетании с голубыми глазами Марины, притягивала взгляды мужчин. Она танцевала. Так танцевала, что с нее не сводил глаз никто из сидящих вокруг. Местные мажоры от неожиданности открыли рты.

Хорхе встал и, немного пошатываясь, подошел к Марине. Положив одну руку ей на плечо, а другой слегка приобняв, он громко ударил каблуками об пол, затем прижался к Марине, сделав полшага вперед, закружил ее в настоящем испанском танце. Не виданном еще в этом ресторане, несмотря на многообразие любителей потанцевать. Люди, стоявшие на улице, стали подходить к окнам ресторана, чтобы посмотреть на Марину с Хорхе.

Танец закончился, но за ним последовал еще один. Затем еще один. Они кружились по ресторану так, что не замечали ни людей, ни столов, не замечали никого. Затем они пили вино, белое и красное, и снова танцевали. Марина говорила на испанском, поэтому все вокруг думали, что она Испанка. После вина ели какие-то десерты, а потом снова пили вино. Десертное. Так время подошло к закрытию ресторана, и администратор сообщил об этом. Надо было расплачиваться.

Официант принес счет. Хорхе, не глядя в него, вытащил карточку и бросил ее на стол. Марина улыбнулась – ей понравилось то, что Хорхе не посмотрел даже на сумму.

«Не жадный, – пронеслось в ее голове, – настоящий мужчина!».

Официант забрал карту и ушел. Но буквально сразу вернулся, даже не дойдя до кассы.

– У вас карта просрочена, – спокойно заявил он.

Хорхе похолодел. Он забыл, что две его карты давно просрочены.

– Не может быть! Я вчера ею еще платил, – в испуге прокричал он. – Возьмите эту!

Он кинул на стол вторую карту. Официант взял ее в руки и внимательно рассмотрел.

На его шее выступили красные пятна. Подобный трюк он видел не раз.

– И эта просрочена!

– Не понимаю! Как это возможно? Вчера я за все платил!

Официант повернулся в сторону Марины и громко сказал:

– Девушка, вам платить придется!

– У меня нету денег! У меня всего пара тысяч. Я не смогу, – Марина от неожиданности зарыдала. Ей стало жалко себя. Ей стало безумно обидно, что ее так обманули, что разрушили все ее мечты. Злость подкатила к горлу, и она закричала на весь ресторан.

– Сволочь! Мерзавец! – и схватила Хорхе за волосы.

Тот пытался вырваться и кричал. Но его никто не понимал.

– Уберите ее от меня! Это безумная женщина!

– Мразь ты последняя! Скотина! – не унималась она.

– Проститутка! – закричал Хорхе, в надежде, что это слово произносится на всех языках одинаково. Все обернулись в сторону Хорхе, – Да, проститутка!

Марина от неожиданности отпустила Хорхе и попятилась назад. Так ее еще никто не оскорблял.

– Это я-то проститутка?!

Она схватила бокал с остатками вина и кинула в Хорхе. Испанец, закрыв лицо, завыл, потихоньку двигаясь к выходу:

– Я ничего не вижу! Я ослеп! Врача!

Затем он внезапно повернулся и побежал к дверям. Там его остановил охранник. Марина сидела в углу и плакала навзрыд. Вся тушь расплылась по ее лицу, ресницы намokли и склеились, а ее фирменная роза выпала из волос и валялась под ногами.

– Господи, за что мне это все?! – рыдала она, прикрыв лицо. – За что?! Я же никому ничего не сделала плохого?!

– Я оплачу все..., – тихо сказал человек, сидящий за соседним столиком, – не плачьте только, прошу Вас!

Рядом с Мариной стоял человек средних лет, одетый в строгий серый костюм. Слегка седой, но еще не старый, с тонкими чертами лица и дорогими часами.

– Что? – не поняла Марина, – кто Вы?

Человек молча подозвал официанта, достал карточку и оплатил счет.

– Вышвырните его, – сказал он официанту и злобно посмотрел на Хорхе.

– Сергей Иванович, может, в милицию? – переспросил тот.

– Не надо милиции. Сами разберемся! – сказал он твердо. Так, что официант не стал ничего уточнять.

Хорхе вытолкнули на улицу, он добежал до вокзала, сел в первую электричку и уехал с сторону Волгограда. Марина через месяц вышла замуж за Сергея Ивановича и воспитывает с ним его дочь от первого брака. Все лето они проводят в Испании на своей вилле. В это время она преподает хореографию в соседнем городке. Этим летом она отказалась от занятий. Поговаривают, что Марина ждет ребенка.

Мнительность

В поликлинике ощущался неприятный отталкивающий запах. Это был запах каких-то лекарств или настоек. В общем, чего-то медицинского и от этого пугающего. Тусклый свет ламп, болтающихся на потолке и неприятно мерцающих, резал глаза и еще больше усиливал страх, который и без того овладел Евгением и смешал все его мысли. Некоторые из ламп не светили вовсе и пространство вокруг них заполнялось темнотой, сквозь которую проходили одинокие солнечные лучи, проникающие через грязные тяжелые окна. Еще было душно и пыльно. Евгений понял это не сразу, а только после того, как несколько раз чихнул. Но не этот противный запах, не старые лампы, не висящая в воздухе пыль угнетали его – а предвкушение предстоящей медицинской процедуры, к которой он готовился несколько дней. А именно – взятие анализов крови из вены. Нет, он не был трусом и не боялся ни боли, ни белых халатов, ни даже обмороков, которые иногда случаются с людьми во время сдачи крови. А боялся он своей мнительности и излишней впечатлительности. Его воспаленный и измученный мозг, а главное – богатое на причуды воображение, отравляло ему жизнь, превращая каждый подобный случай в болезненное и мучительное испытание. Вот и сегодня: он думал только о том, что его могут чем-нибудь заразить во время взятия крови. Причина этого крылась скорее всего в том, что поликлиника, в которую он пришел, была государственная, а не частная. Хотя реальной причины Евгений не знал, потому что и в частных поликлиниках мучился не меньшей мнительностью.

Он медленно добрался до 213 кабинета, где брали кровь. Затем посмотрел на номер и почувствовал, что стоять ему сложно и лучше присесть – перед глазами появилась легкая дымка, а ноги стали ватными.

«Номер – 213, а это значит, что кабинет 13 находится на втором этаже. Двойку добавили только, чтобы этаж выделить. А так, по сути, это 13 кабинет. Нехорошее и опасное число. Кому же в голову могло прийти брать анализы в таком кабинете-то? Нет, чтобы хоть в соседнем, в четырнадцатом», – мелькнуло в его голове и он присел на скамейку, чтобы не упасть.

Рядом с ним сидела молодая девушка, видимо, студентка. Худенькая, с красивыми чертами лица, русыми волосами и большими зелеными глазами. Евгений посмотрел на ноги девушки – они были длинными и тонкими. Затем он медленно перевел свой взгляд на ее лицо и заметил маленькую черную родинку на правой щеке девушки. Внезапно дверь кабинета распахнулась и коридор наполнился неприятным тенором медсестры:

– Следующий! – скомандовала медсестра.

Девушка спешно встала, схватила свою маленькую кожаную сумку и юркнула в дверь. В воздухе остался лишь запах ее дешевых духов. Он понравился Евгению, равно как и его хозяйка.

«Студентка наверно. Курса со второго или третьего, – думал он, рассматривая пустую скамейку, – Милая девушка».

Прошло несколько минут и дверь распахнулась. В воздухе прогремел знакомый неприятный тенор, нарушая тишину коридора. Из кабинета вышла знакомая девушка, с повязкой на руке, но в миг исчезла, завернув за угол. От этого Евгению стало грустно и немного одиноко.

– Мужчина, Вам специальное приглашение нужно! – неприятный голос ворвался в правое ухо Евгения. Из двери показалась голова молодой белобрысой медсестры.

– Извините, – нервно ответил он и быстрым шагом вошел в кабинет.

Медсестра указала ему жестом на кушетку, а сама повернулась к смуглой загорелой девушке в белом халате и стала о чем-то с ней нервно спорить. Последняя, по всей видимости, была ее коллегой – то ли доктором, то ли медсестрой.

Евгений сел на кушетку и положил руку на небольшой стоящий перед ним столик. Белобрыдая медсестра, продолжая разговор со своей коллегой, надела ему на руку жгут и сухо скомандовала:

– Поработайте кулаком пока, – затем опять повернулась в сторону смуглой девушки и продолжила, – Так ты представляешь, я так в отпуск-то и не сходила. Маринка сначала пошла, потом Оксанка...

Дальше Евгений не слушал – он сосредоточил все внимание на своей руке и стал ритмично ее сжимать, наблюдая за набухающими венами. Рядом с ними стояла небольшая металлическая ванночка. В ней лежали две пластмассовые пробирки и игла, одетая в плотный темно-зеленый колпачок.

«Все в норме. Пробирки закрыты и чисты. Игла упакована. Так, еще раз – надо все пересчитать. Раз – одна чистая пробирка, два – другая чистая пробирка, три – плотно запечатанная игла. Все хорошо» – подумав это, он зачем-то потрогал иглу и опять стал считать в слух.

– Вы это зачем ее трогаете? – вдруг услышал он голос белобрысой медсестры, – Вы ложитесь давайте уже. Или сидя брать? Вы как переносите лучше?

– Я лягу. Так надежнее, – зачем-то ответил Евгений, хотя переносил процедуру без сложностей. – Вы мне дайте нашатыря. Так, на всякий случай, – добавил он.

Евгений лег на кушетку, устремил свой взгляд вверх и стал рассматривать муху, гуляющую по потолку. В одной руке у него была ватка, пропитанная нашатырем, другая же – лежала на столике, обмотанная резиновым жгутом. Ее натирала ваткой медсестра, готовясь взять кровь. Затем укол. Процедура прошла быстро и безболезненно. Евгений ничего толком и не почувствовал.

– Все, можете вставать, ватку только полчаса не снимать! – сказала белобрыдая медсестра и стала что-то записывать в своей тетради.

Евгений неспешно сел, сжал кулак руки, из которой брали кровь, и посмотрел по сторонам. Рядом, на столике в ванночке, лежало две полные пробирки и игла, вставленная в пластмассовый держатель. На ней были следы крови. При виде их Евгению стало некомфортно и даже немного затошнило. От этого ему захотелось выйти из кабинета как можно скорее.

– Ну, собственно, и все. Если вдруг голова закружится или сознание терять станете, то садитесь на лавку и голову вниз. Понятно? – сказала выходящему из кабинета Евгению медсестра.

– Понятно, – буркнул он себе под нос и закрыл дверь.

– Следующий, – услышал он за спиной.

Голова не кружилась – страх отступил, а с ним рассеялась и та дымка, что пеленой висела перед глазами. Сознание стало ясным, а настроение улучшалось с каждым мгновением. Евгений выбежал на улицу и вдохнул глоток свежего воздуха. Солнце светило ему в глаза, а рядом, на лужайке, показались ростки свежей зеленой травы. В воздухе щебетали вернувшиеся с зимовки птицы. Внезапно, не пойми откуда, в голову Евгения пришла следующая мысль:

«А что это, интересно, за держатель такой? В который была воткнута игла? Иглу я видел, а вот держатель – нет. А главное – моя ли в нем была игла или той студентки?» – мысль как гром среди бела дня вонзилась в мозг Евгения и расколола его на две половинки. Одна из которых говорила, что все эти его мысли – полная ерунда, другая – что он уже заражен страшной болезнью от грязной иглы. Евгений пошатнулся и, чтобы не упасть, облокотился на стену здания. Во рту вдруг появился какой-то неприятный кислый металлический привкус и захотелось пить. Овладев собой, Евгений собрал остатки сил, зашел в поликлинику и, не оглядываясь, пошел в кабинет забора крови. Ему теперь предстояло выяснить, какая

часть его мозга лукавит, а какая – нет. А проще говоря – понять, сменила ли медсестра иглу в держателе, перед тем как взяла у него кровь.

В этот раз рядом с кабинетом образовалась очередь и войти в него было непростой задачей. Чтобы не вступать с этой очередью в дискуссию и не объяснять причины своего возвращения, он, схватившись за голову обеими руками и что-то бормоча себе под нос, пробежал мимо всех, расталкивая людей на своем пути.

– Мне плохо, расступитесь! Скорую! – бормотал он и смотрел из стороны в сторону блуждающим потерянным взглядом. Люди расступались, а одна женщина и вовсе перекрестилась, глядя на Евгения. Таким образом он оказался внутри кабинета минуя очередь. Из глубины комнаты на него смотрели обе медсестры – белобрысая и смуглая.

– Сознание потерял?! – то ли спросила, то ли заявила светленькая. От вида Евгения ее лицо побледнело.

Евгений мотнул головой, выпустил слюни, что-то прохрипел, схватившись за горло, и сел на стул. После этого побледнела и смуглая медсестра.

– Нашатырю ему еще! – крикнула смуглая и куда-то убежала.

– Говорила же – посиди еще, а он рванул, – оправдывалась не понятно перед кем светленькая медсестра, – Ну как человека же просила!

Через минуту Евгений сидел на кушетке и нюхал нашатырь. Лицо его было бледным и напуганным. Юркие зрачки глаз сузились и нервно дергались. Кривой рот пытался изобразить улыбку, иногда выделяя густые слюни. Обе медсестры стояли рядом с ним, не понимая, что происходит, а главное, как себя вести.

– Здорово его шибануло. Приступ, видать! Сознание даже потерял, бедный! – говорила белобрысая темненькой.

– А... а как Вы иглы меняете в этих контейнерах? – аккуратно, все еще изображая приступ, проямлил Евгений.

– Чего?! – спросили в один голос обе.

– Иглы... ну как вы их меняете? В этом-то держателе.

– Бредит что ли? – спросила темненькая у светленькой.

– Просто меняем, молодой человек. И все! Чего тут объяснять-то.

– Покажите, – встрепенулся Евгений и резко посвежел. На его щеках выступили розовые пятна.

– Может, вам еще талмуд с правилами по забору крови принести. Там, наверно, страниц 100 будет. Давайте мы Вас в коридоре посадим, а то нам работать надо. Вам, судя по всему, уже легче.

Евгений поднял правую руку вверх и поднес ее ко лбу. Рука дрожала.

– Я боюсь, что упаду..., – снова начал он изображать приступ.

– Вот черт! Угораздило нас так влипнуть. А ведь день так хорошо начинался. Ладно, пусть тут сидит! – сказала смуглая медсестра и вызвала следующего пациента.

Но хотя Евгений и остался в кабинете, выяснить, как меняется игла в контейнере, так и не представлялось возможным – между ним и кушеткой висела штора. Плотная и непрозрачная. И как ни пытался он напрягать свой взгляд, ничего не помогало ему увидеть саму процедуру. Утомившись, он оставил свои попытки и посмотрел на стол светленькой медсестры, заваленный бумагами. На нем лежала мягкая памятка, на которой жирным шрифтом было напечатано три буквы – В...И...Ч. Внезапно перед его глазами возникла девушка-студентка, у которой брали кровь до него. После этого в голове появилась еще одна тяжелая и нехорошая мысль.

«А вдруг она проститутка? И у нее на ВИЧ кровь брали. А потом этой иглой меня саданули и заразили»

Он тут же представил свои похороны, стоящих рядом детей. Потом свою жену и ее нового мужа. Потом – как они веселятся на его даче. А после занимаются сексом в его кровати. А он гниет в могиле и лишь старые родители изредка приходят почтить его память и вырвать траву. Все более и более причудливые мысли лезли ему в голову и, не выдержав напряжения, он встал и прокричал:

– А вы уверены, что не взяли мне кровь той же иглой, что брали у девушки до меня? Которая, между прочим, могла быть проституткой!

Обе медсестры встали со своих мест, и, пытаясь прийти в себя, смотрели на Евгения потерянным взглядом. Евгений не унимался:

– Да, проституткой! Она красивая, между прочим, и вот тут памятка на столе про ВИЧ! – зачем-то добавил он.

Через несколько минут Евгения вывела охрана. Он вырывался и кричал. А главное – требовал доказательств того, что иглу не использовали повторно. Через месяц он сдал анализы на все смертельные болезни, попросив жену наблюдать за всем процессом от начала до конца. Хотя и сам контролировал все действия медсестры. Результаты анализов, как и ожидалось, оказались отрицательными.

Перрон

Я помню, как подходил к перрону: на улице были лужи, покрытые тонкой коркой льда, грязь потвердела и уже не пачкала ботинки, а кое где выпавший снег лежал на земле отдельными островками. По небу плыли серые тучи: их тень падала на землю, сливаясь в некоторых местах с серым асфальтом. Солнце скорее напоминало луну: света почти не было, а отдельные лучики, проникающие сквозь тучи, почти не освещали землю.

Я шел в осенней куртке, которая не согревала меня. От этого я весь продрог и искал, где можно погреться. На перроне стояло небольшое здание – зал ожиданий. В нем помещалось от силы человек двадцать, да и то если стоя. Подходя к нему, я обратил внимание, что свободного места почти нет: люди расселись на скамейках, а кому не хватило места, сели на сумки и чемоданы. Я открыл дверь и почувствовал удушливый запах грязи, от которого стало противно и сразу захотелось уйти. К тому же где-то внутри плакал ребенок. Его пронзительный голос в сочетании с царившей духотой заставили меня выйти на улицу.

От снега перрон стал почти весь белый. И только изредка попадались серые островки асфальта. Кроме меня на улице не было никого. Чтобы не замерзнуть, я решил прогуляться вдоль перрона и дойти до самого его конца, считая по пути лавочки. Их оказалось семь. Последняя – стояла почти на самом краю перрона и казалась какой-то заброшенной и одинокой. Не многие люди доходили до нее и поэтому рабочие не чинили ее и не подкрашивали, как другие шесть. Мне захотелось присесть на ней и отдохнуть.

Я сел и закрыл глаза. Свежий воздух наполнял мои легкие хвойным ароматом, от которого я стал расслабляться. Мне давно хотелось помедитировать, но не представлялось такого случая, возможности. И вот теперь возможность появилась. Медитировать я не умел, но знал, что надо следить за дыханием и отгонять все мысли. Главное – войти в состояние транса, но не заснуть. Это в теории, а как медитация проходит на практике, я не знал. Но мне захотелось попробовать. А главное – научиться.

Мысли крутились в моей голове нескончаемым потоком и никуда не спешили уходить. Я сделал десять вдохов, пытаясь переключиться на дыхание – не помогло. Затем я сделал еще десять, а потом – еще десять и почувствовал легкую дрему.

«Вот, вот, сейчас оно придет, – подумал я, – сейчас оно придет. Наконец-то я научусь».

Но мысли все лезли в голову: про семью, про работу, еще про что-то. Хотя их стало заметно меньше. Так прошло несколько минут.

«Ну приди же ты наконец-то», – взмолился я.

Вдруг я почувствовал, как кто-то цепко схватил меня за плечо, и в ужасе открыл глаза. Передо мной стоял человек очень странного вида: он был маленького роста, лысый и весь в татуировках. На нем была одета роба серого землистого цвета, порванные темные джинсы и грязные поношенные сапоги, протертые до дыр в нескольких местах. Длинные грязные ногти и многодневная щетина дополняли его и без того сомнительный вид.

– Парень... ты... ты только не бойся! Не бойся я сказал, – прокричал он громким визгливым голосом и впился мне в плечо еще сильнее своими цепкими пальцами.

Я почувствовал, как сердце начинает набирать обороты и дыхание учащается и попытался встать. Но маленький человек вцепился в меня еще сильнее, не давая мне двинуться с места.

– Парень... ты не бойся. Ты только не бойся! – опять закричал на меня он, при этом широко открыв глаза. Так, что они чуть не выпали из орбит.

– Ты кто или... что? – кое как выдавил я, сквозь накативший ужас.

– Я... я твой друг. Ты не бойся главное. Иван я! Ваня!

Я наконец-то встал. Сердце все также стучало, а руки ходили ходуном, во рту я почувствовал какой-то неприятный вкус железа. От шока меня подташнивало. Мне показалось, что еще чуть-чуть и меня вырвет.

– Я – Иван, говорю тебе, я Иван, брат, дай мне денег, брат! – кричал Иван и держал меня за куртку. – Денег дай мне, прошу тебя!!!

– Каких денег? При чем тут деньги? – спрашивал я, не понимая, что происходит.

– Выпить хочу! Из тюрьмы только что сбежал!

– Что??? Из какой тюрьмы? Что... происходит? – спросил я и почувствовал, как страх нахлынул на меня с новой силой.

– Тюрьма тут рядом, за лесом. Ночью убежал, представляешь! Ночью свалил! Ментяру одного замочил! Денег дай, брат! Прошу тебя! А то повяжут меня скоро, а выпить надо!

Я начал успокаиваться: руки перестали дрожать, а дыхание больше не сбивалось. От этого голос мой стал громче и увереннее, но страх все еще не уходил и противный привкус железа во рту не оставлял меня.

– Сколько? – спросил я.

– Сто рублей брат, сотку дай!

Я полез в карман и достал несколько сотен. Случайно.

– Так ты богач, брат! Дай мне двести – я нажрись сегодня! Все время за тебя пить буду. За здоровье твое!

Я протянул ему двести рублей и поплелся к зданию вокзала, но Иван не отставал от меня.

– Ты, главное, не обижайся, брат! Не обижайся на меня.

– Ты меня напугал сильно, Иван. Я не думал, что так кто-то...

– Ты не обижайся, брат. Мне просто деньги нужны, чтобы выпить. Меня повяжут скоро. Сегодня уже повяжут.

Я ускорил шаг, но Иван не отставал.

– Все оставь меня, хватит, дальше я сам, – сказал я ему уверенным тоном, понимая, что до здания осталось метров пятьдесят, а мой страх сильно ослабел, давая мне возможность трезво мыслить.

– Так ты, значит, обиделся, брат!?

И Иван начал мне опять что-то кричать на ухо.

– Иван, там милиция в здании, тебя сейчас повяжут... Беги, – повернувшись к нему, ответил я громко, напористо. Так, что и сам удивился.

– Понял, брат. Спасибо тебе, не поминай лихом..., – прокричал Иван, уже спрыгивая с перрона.

Я зашел в здание вокзала и присел на подоконник. Голова кружилась, и дурнота все еще не уходила. Напротив сидела девушка с ребенком, который крепко спал и посасывал розовую соску. Духота уже не казалась мне такой невыносимой. Я на всякий случай проверил деньги и вещи – все было на месте. Чтобы отвлечься от шока, я стал разглядывать окна здания.

Через грязное стекло вокзала я увидел, как на перрон забежали несколько полицейских с собаками – должно быть, они искали Ивана...

Домой

Машина свернула с дороги и остановилась под невысоким деревом с широкими листьями. Они покрыли всю крышу автомобиля и яркое солнце больше не могло пробиться в салон. Раскаленный песок нагрел резину колес до такой степени, что казалось: еще немного, и она начнет плавиться. Мотор нового Мерседеса работал тихо и слаженно. В воздухе был слышен его тихий металлический стук. Будто где-то далеко работала швейная машинка. В машине сидело два человека: один щуплый, небольшого роста, с темными волосами и тонким лицом, другой – полноватый, почти лысый, с крупным носом и добрыми глазами. Первый выглядел немного старше второго. Никто из них не спешил выходить на улицу. У первого в руках была развернутая дорожная карта. Он вглядывался в нее так, будто пытался разглядеть что-то мелкое, непонятное для него. Наконец, он заговорил:

– Проехали. По-моему, надо было раньше свернуть.

– Говорил тебе, через Грузию ехать надо, – сказав это, он махнул рукой в воздухе, словно отгонял мух. – Всегда ты так, меня не слушаешь!

– Через Грузию дольше выходит. Обсуждали уже...

– Зато спокойнее.

– Не ты разве хотел увидеть Иран? Сам же все время говорил: Иран – загадочная страна!

– Слушай! Сдался мне твой Иран?! У нас вода на исходе, а тут за несколько километров ни одного магазина нет.

– Скоро доедем до границы. Судя по карте, тут недалеко.

Яшар, так звали старшего из них, вышел на улицу и закурил сигарету. Солнце обжигало кожу и курить было противно. Он сел под дерево в тень и продолжил изучать карту, иногда стряхивая пепел на песок. Лицо его выглядело напряженно. А дыхание было медленным и тяжелым.

– Азик! – вдруг прокричал он, словно увидел что-то очень важное. – Иди сюда! Быстрее!

– Что стряслось?!

– Ничего не стряслось. Просто можно срезать тут! Заедем отсюда. Быстрее будет.

– А как мы Бахману сообщим? Он же нас встречать должен, где условились.

– И правда! У меня телефон разрядился уже сутки назад.

Об этом Яшар забыл. Как и том, что последние два дня они ехали почти не останавливаясь, чтобы скорее добраться до Азербайджана. Лишь изредка они делали небольшие перекурсы, во время которых меняли друг друга за рулем. Поездка в Турцию затянулась – местный поставщик не отгрузил вовремя товар и им пришлось задержаться на два дня, чтобы подписать все бумаги на месте. Поэтому решено было возвращаться домой не через Грузию, как изначально планировали, а по территории Ирана. Для этого связались с иранским Гидом, чтобы он сопровождал их в дороге. Последнего звали Бахман. Его посоветовал один турок, сказал – тот надежный и ему можно доверять. Предстояло проехать всю территорию Ирана: от границы с Турцией до Азербайджана.

Яшар докурил, вдавил бычок глубоко в песок, подождав, пока тот погаснет, и сел за руль. Машина тронулась и звук мотора стал громче, заполняя тишину нехарактерным для пустыни треском. На месте стоянки остался след от резины колес – две темные неровные полосы. Через полчаса на горизонте показался пограничный пункт. Вдоль него ходили люди, одетые в военную одежду. Но сильнее всего выделялся шлагбаум – он был белым и массивным. Раза в два больше тех, что приходилось видеть Яшару и Азику. Своими размерами

он вызывал у проезжающих какое-то гнетущее чувство, усиливал и без того разыгравшееся волнение перед грядущей проверкой.

– Ну и шлагбаум у них. Толстый какой. Прямо как ты, Азик! Не дай Бог, свалится на капот еще!? – испугался Яшар, подъезжая к пункту проверки.

– Да брось ты. Ничего не свалится. Где нас гид ждать будет? – смутился Азик и погладил себя по щекам, будто проверяя, насколько они полные.

– Сразу за границей, вроде. Он нас сам узнает, у него все данные есть.

Машины двигались очень медленно. Человек в военной форме проверял документы, не торопясь. Иногда он просил пассажиров выйти и долго с ними о чем-то беседовал. Некоторые из них уходили в небольшое белое строение, стоящее недалеко от пункта проверки. Затем они возвращались с кипой бумаг. И опять долго о чем-то беседовали с проверяющим. Яшар все время курил. Чем ближе их машина приближалась к шлагбауму, тем меньше сигарет оставалось в его пачке. Наконец, они добрались до шлагбаума. Проверяющий сделал жест: что означало «предъявите документы». Азик протянул ему пакет с бумагами. Пока тот возился, шлагбаум сначала дернулся, словно в него что-то бросили, а потом стал медленно опускаться.

– Что это с ним?! – испуганно спросил Яшар Азика. – Почему он закрывается?

– Не знаю, может, проверка какая-то.

– Какая еще проверка на границе?

– Откуда мне знать? Не нагнетай раньше времени.

Азик услышал, как завелся мотор стоящей сзади машины. Он повернулся и увидел, что некоторые автомобили разворачиваются и уезжают обратно.

– Что с ними, куда это они? – спросил Яшар.

– Откуда мне знать. Может, закрылась эта таможня.

– Как это закрылась? Такое разве бывает? У них что – таможня до восьми работает?

– Я что знаю, что у них тут бывает! – сорвался Азик, – Говорил тебе – надо через Грузию ехать!

Проверяющий что-то крикнул и показал пальцем на белый домик. Яшар отъехал в сторону от шлагбаума, заглушил мотор и вышел из машины. Достал последнюю сигарету и закурил. Азик попытался о чем-то поговорить с проверяющим, но тот лишь отмахнулся рукой, показывая, что он ничего не понимает. И опять показал в сторону белого дома. Затем поправил свою фуражку и тоже пошел в сторону домика, что-то бубня себе под нос.

Строение было небольшим, но просторным. Большие окна пропускали много солнечного света, который падал на маленькие обшарпанные столы. За ними сидели люди в фуражках и что-то писали. Рядом с каждым из них лежала огромная кипа бумаг. Некоторые из служащих постоянно курили. От этого комната наполнилась густым табачным дымом. К Азику подбежал человек небольшого роста, лет тридцати на вид. На нем была одета зеленая потертая куртка из плащевой ткани, помятые серые брюки и коричневые кожаные ботинки. Его глаза скрывали темные солнечные очки.

– Здравствуйте, я – Бахман! – представился он по-турецки.

– Ну наконец-то, слава Аллаху, а то мы думали, что вас не найдем! – вскинул руки к небу Яшар.

– Как же? У нас договор. Я свою работу знаю.

– Мы ничего такого сказать не хотим! Просто первый раз тут. Местных законов не знаем, – попытался смягчить ситуацию Азик, – а почему шлагбаум опустился? Ремонт какой?

– Нет, граница закрылась. Рабочий день закончился. Уже ведь восемь!

– Как это? Разве такое бывает, чтобы граница на ночь закрывалась? – вмешался Яшар.

– У нас бывает! – немного смущенно ответил Бахман.

– Да что это за каменный век такой?!

– Тихо, Яшар, успокойся. Он просто с дороги устал, – влез в разговор Азик и даже выдвинулся вперед, закрывая Яшара своим телом, – Не обращайтесь внимание.

Бахман ничего не ответил. Он открыл свой портфель из старой верблюжьей кожи, достал оттуда бумаги на арабском языке и протянул Азику.

– Надо будет все заполнить, – затем он полез в портфель и вытащил другую кипу бумаг, уже на турецком языке. – Это перевод, можете прямо тут писать. Я заполню за вас оригинал.

– Спасибо, все заполним. А где тут сесть?

Азик оглянулся по сторонам. Все столы все еще были заняты. Хотя некоторые из служащих собирались домой.

– Не тут. В отеле! – сказал Бахман.

– В каком еще отеле?! – не выдержал Яшар, – Мы ни в какой отель не поедem!

– Тут так положено! – повысил голос Бахман, – приехали бы на полчаса раньше, все бы успели сделать до закрытия!

– А что за отель, уважаемый? – вмешался Азик. – Наверно, недалеко тут?

Бахман выглядел недовольным: на его шее проступили красные пятна, на лбу появились капельки пота, а губы скривились.

– Недалеко, вас отвезут. Завтра я за вами заеду. В шесть! – Бахман выдержал небольшую паузу, – Надо будет доплатить!

– За что это? – не выдержал Яшар. – За что доплатить-то?

– За фирму, по вам фирму пришлось привлекать! И за отель.

– Не будем мы...

Азик резко одернул Яшара, перебив его на пол слове.

– А сколько надо?!

Гид назвал сумму. Она превышала изначально обговоренную в два раза. Денег хватало, но их было впритык. К тому же надо было купить хоть какой-нибудь еды и сигарет.

– Хорошо, когда платить? – продолжил Азик.

– Половину денег сейчас, остаток – на той границе, – Бахман кивнул головой в сторону, будто указывая, где находится та самая граница, – Сейчас за вами машина приедет. И не забудьте про документы.

Бахман взял деньги, огляделся по сторонам, будто проверяя, не смотрит ли кто на него, и засунул их в карман брюк. Затем он приподнял правую руку, коснулся пальцами козырька, словно отдавая честь, развернулся и пошел к выходу. На пороге он крикнул:

– Буду в шесть!

На мгновение Азик и Яшар остались одни. Вокруг них ходили какие-то люди, но они не обращали на них никакого внимания. Словно две рыбы, заплывшие в чужое озеро, они стояли и смотрели друг на друга.

– Азик, это какой-то развод! Нас разводят тут, – прошептал Яшар, чтобы никто не слышал, – говорю тебе!

– Не придумывай, Яшар! Да... неприятно. Согласен! Но нам уже деваться куда?

– Надо было вернуться назад!

– Назад уже поздно! Я ему все равно должен был заплатить, – стал оправдываться Яшар, – хотя и меньше.

К белому дому подъехал небольшой старый микроавтобус белого цвета. Чем-то похожий на нашу «Газель». Из него вышел молодой водитель, одетый в синие джинсы и футболку. Он открыл дверь здания таможни и прокричал что-то непонятное. Несколько людей пошли к выходу. Азик с Яшаром последовали за ними.

Они сели рядом, расположившись сзади. В машине было душно и стоял едкий запах бензина. Азик обернулся и увидел за собой две канистры. Одна из них была приоткрыта. Видимо оттуда и шел запах.

– Нам долго? – крикнул он, в надежде, что водитель его услышит.

Тот что-то ответил и автобус рванулся с места. На передних сидениях сидело несколько мужчин и две женщины, закутанные в чадру.

Прошло тридцать минут. За окнами ничего не менялось: вокруг была лишь пустыня с жидкой растительностью. Иногда попадались не то деревья, не то кусты. Но их было мало. С наступлением темноты картина стала еще более однообразной и что-то разглядеть становилось все сложнее и сложнее.

– Азик, ты видишь, куда они нас завезли?! – не выдержал Яшар.

– Куда?!

– В глубь пустыни. Мы уже километров пятьдесят проехали и никаких отелей не встретили! И не встретим!

– Почему это не встретим?

– Потому, что они нас завезут и убьют тут! Говорил тебе не связываться с этим гидом. Это все из-за машины нашей!

– Да что ты мелешь! Никто нас не убьет.

– Деньги все заберут, ножами порежут и закопают. А завтра наш Мерседес толкнут на рынке!

Яшар говорил серьезно, хотя и был напуган. На его шее от напряжения появилось две пульсирующие вены, а со лба стекали капли пота. Азик заколебался: он вдруг представил, как его убивают мужчины, сидящие впереди, а одежду обыскивают женщины. Как одна из них роется в его брюках и пересчитывает остатки денег. От этого ему стало противно и как-то безразлично. Нет, не смерть сама по себе его пугала, а такая вот бессмысленная смерть – вдали от дома и близких, из-за какого-то Мерседеса.

– Может, машину им предложим, по-хорошему? А? – вздохнул Азик и поправил ворот рубашки.

– Поздно уже, видал, куда завезли?

– А как думаешь, кто нас..., – Азик выждал паузу и добавил, – порежет?

– Эти вот! – Яшар осторожно показал на сидящих впереди мужчин. – Их специально подослали. А женщины потом обыщут и похоронят.

«Как я и думал», – промелькнуло у Азика в голове. На его лбу выступил пот.

– Надо бежать, Яшар, – прошептал Азик, – у меня план есть. Дай зажигалку свою.

– Держи, – прошептал Яшар и протянул ему зажигалку, – А что делать надо?

Азик подтянул к себе открытую канистру с бензином, покачал ее из стороны в сторону, и убедившись, что жидкости достаточно, наклонился к Яшару.

– Я сейчас эту канистру схвачу и вылью на тех двух, что впереди, – прошептал он и указал на двух сидящих рядом мужчин, – Ты затем хватай одного, а я – другого.

– И что дальше? – в испуге спросил Яшар и представил, как он, маленький и шуплый Яшар, хватается крупного араба.

– Потом я зажгу огонь и скажу, чтобы везли нас обратно, на таможню. Лучше – за таможню, потому что они там все повязаны. И машину вернули.

– Иначе что?

– Что иначе? – Азик задумался, – Ничего. Припугнем их! Как шелковые станут.

– Я боюсь Азик! Я такого не делал никогда.

Сказав это, Яшар взял Азика за рукав рубашки и медленно к нему придвинулся.

– Я тоже боюсь. Но что делать-то? Или ты погибнуть тут хочешь? – прошептал на ухо Яшару Азик.

Внезапно машина остановилась, и молодой водитель что-то прокричал на весь салон. Затем открылась ее передняя дверь и все начали выходить на улицу. Рука Азика все еще лежала на канистре, словно рука ковбоя на кобуре, перед выстрелом.

– Не успели, – с горечью сказал он.

– погоди, там отель какой-то! – радостно закричал Яшар, – Я его вижу! Отель!

Сквозь открытую дверь автомобиля виднелось небольшое серое здание, сложенное из блоков. Вдоль него ходили люди, некоторые из них были одеты в военную форму. Водитель автобуса подошел к Яшару и что-то прокричал, давая понять, что надо покинуть салон. Азик с Яшаром вылезли и пошли в сторону светящегося входа здания. На улице было темно и дул сильный ветер, отчего в глаза попадал мелкий песок, мешавший разглядеть что-либо вокруг.

Внутри отель напоминал старую гостиницу. Вся мебель была ветхой, на окнах весели зеленые шторы из толстой грубой ткани, по полу лежали пыльные ковры. Казалось, что их не вытряхивали с того момента, как привезли сюда. От этого дышалось тяжело и хотелось выйти на улицу. Вдоль одной из стен стояла стойка, за которой сидел мужчина. По виду его сложно было сказать, молодой он или старый, военный или гражданский, умеет ли говорить или нет. Он молча протянул ключи от номера и показал пальцем вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.